

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

А. В. Зыкин

Развитие культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке

Настоящая работа посвящена развитию культуры и этнического самосознания шорцев в XX веке. Обращается внимание на психологические факторы, повлиявшие на усиление этнической идентичности, в число которых входит поиск ориентиров и стабильности в информационно насыщенной и непрерывно меняющейся среде, а также рост частоты прямых и опосредованных межнациональных контактов. Доказано, что повышенное значение культурные и этнические характеристики обретают во время социальных пертурбаций, когда разрушается сложившаяся система культурно-исторических ценностей, у людей происходит кризис идентичности и обращение к народным корням кажется им единственным спасением.

Ключевые слова: культура, этническая культура, народная культура, этническое самосознание, шорцы, Горная Шория.

A. V. Zykin. The development of Shors culture and ethnic identity in the 20th century

The present work is devoted to the development of culture and ethnic self-awareness of the Shors in the 20th century. The national culture and language

of the Shors are a significant means and the main condition for the realization of people's identity. One should also take into account the psychological factors that have contributed to the strengthening of ethnic identity, which include seeking guidance and stability in an informationally saturated and ever-changing environment, as well as an increase in the frequency of direct and indirect international contacts. It has been proven that cultural and ethnic characteristics acquire a greater significance during the social disturbances, when the established system of cultural and historical values collapses, because of what people experience an identity crisis, thus turning to people's roots seems to be their only salvation.

Keywords: *culture, ethnic culture, folk culture, ethnic identity, the Shors, Mountain Shoriya.*

Национальная культура и язык шорцев представляют собой значимое средство и основное условие реализации народной идентичности. Наши предыдущие работы главным образом посвящены современному состоянию данного этноса, особенностям языка, культурному своеобразию и процессам, которым он подвержен [3].

В 1938 году после ликвидации Горно-Шорского национального района, ход культурного и исторического развития шорцев как единой народности значительно замедлился и видоизменился. По инерции какое-то время в сфере культуры шли процессы, зародившиеся и сформированные на предшествующем этапе — этапе становления и формирования этноса и культуры, однако условий для беспрепятственного развития народной культуры не существовало. Без государственной помощи едва сформировавшийся шорский этнос не имел возможности продолжать свое развитие. Начавшаяся чуть раньше ассимиляция стала заметно нарастать. Эти факторы значительно отразились на языке шорцев, их культуре, а также замене национальной идентичности.

Национальная культура и язык представляют собой значимое средство и основное условие реализации народной идентичности. После того как был ликвидирован национальный район, шорский язык, в сущности, был упразднён, то есть уже не использовался в СМИ и учителями в школах, а также на уроках литературы, включая чтение художественных произведений. Затем состоялось закрытие педагогического техникума, выпускавшего преподавателей для на-

циональных школ. В начальной школе обучение на шорском языке шло до 1943 года, а потом он был заменен русским языком [13, с. 51], также на нём перестали печататься книги. С тех пор шорский язык существовал лишь в устной форме и использовался шорцами исключительно в личном общении [8, с. 317].

В 1950-х гг. шорцы стали считаться билингвами и получил признание тот факт, что именно шорским языком местные пользуются при общении с родственниками и в быту [16, с. 133]. Четыре переписи населения, проведенные за период с 1959 по 1989 годы, продемонстрировали, что шорцы, проживающие в Кемеровской области, в языковом плане были почти полностью ассимилированы русскими [13, с. 30—31].

В 1960-х гг. начала распадаться социально-культурная инфраструктура шорских селений. На первом этапе стали закрываться школы, расположенные в Горной Шории. Невозможность обучать детей послужила одним из факторов отъезда местных жителей, в особенности молодого поколения, из небольших деревень в крупные райцентры, а также города. В то же время снижение числа детей в шорских поселках вело к тому, что местные власти закрывали еще больше школ и переводили детей на обучение в интернаты. Вплоть до середины 1980-х гг. в Горной Шории функционировало 5 интернатов, но уже в 1990-е гг. 4 из них перестали существовать. В настоящий момент работает единственная школа-интернат, расположенная в г. Таштаголе.

В 1960 году были ликвидированы колхозы, что сильно ухудшило социально-экономическое положение региона, в особенности на юге Шории, где для колхозов не было создано адекватной замены. Это вызвало отъезд трудоспособных жителей из небольших мононациональных поселков, где по большей части и жили шорцы, в города и крупные райцентры.

Результатом вышеуказанных событий в Горной Шории явился отход от земледелия, уменьшение площади обрабатываемых земель, рост миграции, развал построенной инфраструктуры.

Немалое влияние на снижение трудовой занятости среди жителей сел и их миграцию оказала вырубка лесов. Заготовка древесины, достигшая уровня в 1,4 миллиона кубометров в год, выполнялась с серьезными нарушениями [21].

Промысел в данный период обрел хищнический вид. Данный факт говорит о том, что у жителей Горной Шории сформировался определенный поведенческий стереотип и ценностные ориентиры, которые, в сущности, не отвечают принципам рационального природопользования [19, с. 72]. Таким образом, прежняя культура и мировоззрение были полностью уничтожены, и уже не могли регулировать отношения между индивидом и природой, которым отводится ключевое место в народной культуре шорцев.

Кроме того, переход на использование местными охотниками ружей представляется значимым признаком распада народной культуры: методы охоты потеряли собственную этноспецифичность «брать у природы столько, сколько необходимо», подтверждением чему являются откровения самих шорцев: «охотимся как все», «как русские».

Отсутствие существенной помощи от государства в социальной сфере, обучение молодого поколения в школах-интернатах, рост числа нетрудоустроенных и распад социальной сферы активизировали переезд молодежи в города, что вызвало смену культурно-этнической и половозрастной структуры местных жителей. Депопуляция началась в 1993—1995 гг. и до настоящего момента так и не прекратилась, спровоцировав исчезновение многих национально однородных селений.

Поскольку новые города возводились на месте старых шорских улусов (к примеру, Междуреченск был построен на территории, где ранее существовало 4 улуса, а Мыски — в месте, где было 3 улуса), это стало настоящей катастрофой для шорцев. Проблема в том, что данный процесс вел к отрыву от родных корней, потере родовых земель [13, с. 20] и спровоцировал отъезд молодежи в города. В результате разрушался один из важнейших культурных и идентификационных признаков — местность проживания.

За период с 1950-х по 1990-е гг. вдвое увеличилось количество шорцев, живущих в городской местности и поселках городского типа. Переселение шорцев в города вызвало замену этнической среды и культуры.

В 1960-х гг. по причине создания «общенародного государства» основной целью было объявлено «создание новой исторической общности — советского народа». В рамках этого движения планиро-

валось максимально распространить изучение русского языка, культуры и повсюду установить индустриальную культуру взамен прежней традиционной.

В 1960-е гг. в СССР было закончено создание индустриального общества, из-за чего была повсеместно распространена индустриальная культура. К примеру, шорцы начали носить купленную в магазинах одежду, покупать телевизоры, холодильники, предметы мебели и пр. Невзирая на стремительный процесс размывания народной специфики, она пока еще оставалась. Во многих двуязычных шорских семьях практиковалось почитание и соблюдение собственных, слегка охристианенных, обычаев [7, с. 3].

К упадку народной культуры шорцев привело и такое явление, как размещение на землях Горной Шории исправительно-трудовых колоний и колоний-поселений для заключенных. В ходе общения с сидельцами шорцы в первую очередь проникались особенностями «лагерной субкультуры», а не перенимали специфику других этнических культур [21].

В колониях-поселениях осужденные проживали свободно и зачастую вступали в браки с шорками. Детей, появившихся в подобных союзах, в период 1980—1990 гг. в свидетельстве о рождении записывали не как шорцев, а, как правило, по национальности отца [12, с. 378]. Невзирая на то, что народная культура в основном передается через женщин, необходимо принимать во внимание отцовскую роль в семье, поскольку его речь, психологические установки и поведение сильно влияют на культурное и морально-нравственное развитие детей [12, с. 378].

По вышеуказанным причинам ассимиляция шорцев в 1950—1970-х гг. приняла огромные масштабы. Этому содействовала популяризация индустриальной культуры, увеличение численности горожан, распад традиционной культуры и привычной жизни, а также образовательная система. Помимо данных процессов на народное самосознание представителей шорского этноса сильно повлияло наличие значительного количества национально-смешанных семей.

Принадлежать к шорскому народу в 1970-х гг. было не престижно [14, с. 203], даже само слово «шорец» получило в 1980—1990-х гг. негативную окраску. Вот почему множество детей, родившихся у национально-смешанных пар, строили свою идентичность на принад-

лежности к большой нации и характеризовали собственную национальность как «русский», «украинец» и пр.

Здесь особо хочется отметить, что культурная и национальная идентичность не является чем-то статичным и активно меняется. В ходе становления она проходит множество стадий, схожих с поэтапным развитием детской психики, однако окружающий мир либо серьезные происшествия могут вынудить индивида, вне зависимости от возраста, переосмыслить собственную национальную принадлежность. Таким образом, «проблема этнического самоопределения и его мотивация актуальны сегодня не только с научной, но и с практической точки зрения» [17, с. 126—127].

В нашем государстве до середины 1980-х гг. открыто провозглашалось, что основной целью является сплочение наций, а межнациональные конфликты отсутствуют. В действительности сложившаяся в нашем государстве ситуация была сходна с общемировой и у многих народностей отмечалось усиление национальной идентичности и этнической солидарности [22, с. 87]. У такого явления было множество причин. К ним относится глобализация, приведшая окраины к нищете, а также колониальное прошлое империй, выражающееся, в том числе, в особом положении православной церкви, даже с учетом воинствующего атеизма и репрессий против верующих. Поспособствовали этому и депортации народов, сопровождавшиеся репрессиями против национальной интеллигенции, и произвольный характер территориального деления государства, не учитывающий культурные и этнические факторы.

Следует принимать во внимание и психологические факторы, повлиявшие на усиление этнической идентичности, в число которых входит поиск ориентиров и стабильности в информационно насыщенной и непрерывно меняющейся среде, а также рост частоты прямых и опосредованных межнациональных контактов. Доказано, что повышенное значение культурные и этнические характеристики обретают во время социальных пертурбаций, когда разрушается сложившаяся система культурно-исторических ценностей. Из-за этого у людей происходит кризис идентичности и обращение к народным корням кажется им единственным спасением. В условиях нестабильности этническая принадлежность играет роль самого доступного способа социализации [11, с. 112].

Активизация данного процесса в нашем государстве обусловлена также тем, что на протяжении 70 лет велся эксперимент по созданию социально гомогенного общества, из-за чего были ликвидированы многие группы, посредством которых протекал процесс самоидентификации индивида (крестьянская община, общественно-политические партии, землячество и пр.). В результате этносы остались в числе немногочисленных общностей, способных исполнять столь важную для людей культурную, ценностно-ориентационную и защитную функции. Идентичность, выстроенная на этнической принадлежности, также представляется нам самым доступным типом социальной идентичности: из-за внедрения паспортной системы самоотожествление с «народом» произошло у многих людей [22, с. 94].

На рубеже 1970—1980-х гг. интенсивность ассимиляции в нашем государстве снизилась. В 1960—1970-х гг. в прессе стали печататься произведения авторов, лишь по воле случая спасшихся от репрессий 1930-х годов, в том числе поэта С. С. Торбокова [26, с. 63—65; 24; 25], детского писателя С. Тотыша [27], Ф. С. Чиспиякова, также было опубликовано собрание эпосов горных шорцев под названием «Волосяная струна» [23]. В то время шорские произведения считались «литературой Кузбасса». Возникновение в печати множества произведений национальных писателей и поэтов нельзя назвать случайностью. Это является доказательством стабильности этнических структур и в то же время показателем понимания ухудшения положения в национальной сфере.

Усиливающаяся ассимиляция, потеря народной культуры и плохой уровень жизни местного населения явились в конце 1980 — начале 1990-х гг. причинами подъема национального самосознания и запустили механизмы этноконсолидации. Основной толчок данному процессу придала шорская национальная интеллигенция: А. И. Чудояков, В. И. Ачелов, Н. Я. Чудояков и пр. По инициативе А. И. Чудоякова было основано общество «Ольгудек» и проводились курсы по обучению языку. На базе этого общества в Новокузнецке в 1992 году было сформировано общество «Шория» под председательством Л. А. Тенешевой. К 2000 году в Кузбассе насчитывалось 28 национально-культурных центров. Своей задачей они провозгласили восстановление национальной культуры, возврат к традици-

ям и местным обычаям, распространение родного языка, обучение истории шорского народа.

С началом 1990-х гг. шорские интеллигенты начали осознавать, что малые народы являются объектами управления и могут надеяться только на понимание, опеку и благорасположение властей. Именно они впервые стали говорить о вопросе выживания этноса и защите традиционной культуры, направив внимание правительства и социума на специфику данных обществ.

Сами шорцы уверены, что находятся в катастрофическом положении, так как не являются хозяевами своей судьбы и правителями собственных земель, и полагают, что, невзирая на старания энтузиастов, направленные на восстановление шорского языка и культуры, исчезновение народности уже нельзя обратить вспять [28, с. 3]. Мрачность в оценках поясняется тем, что сложившуюся ситуацию не получается стабилизировать. В селах прослеживается этническая стратификация трудовых мест, что ведет к усилению и распространению антирусских настроений. Шорцам приходится конкурировать с русскими, включая староверов, даже в промысловой охоте. Возврат самобытного жизненного уклада осложняется тем, что для занятия промысловыми видами деятельности требуется обладать охотничьим билетом, получить разрешение на оружие, а также лицензию. Всего этого у шорцев чаще всего нет, а без этого становятся неизбежны конфликты с органами власти. Никак не получается вернуть и утерянные традиции бережливого отношения к окружающей природе. Отметим, что в настоящий момент все запущенные программы и утвержденные нормативные акты, ориентированные на формирование у шорского народа местного самоуправления, не продемонстрировали заметной эффективности. Помимо этого, они усиливают в общественном сознании ложное представление о том, что местное население не способно решить свои проблемы самостоятельно, без целевой помощи правительства [20, с. 34]. Также появился риск коммерциализации национальной культуры и утраты ценностной ориентации среди молодежи.

Стоит заметить, что подобная ситуация встречается повсеместно, она свойственна не только шорцам, но и иным малым народностям Сибири [10, с. 104—122; 12, с. 122—129].

В 1980-х гг. сильно выраженный рост этнического самосознания шорцев вылился в возрождение шорской культуры через ли-

тературу. Основной темой произведений того времени стало будущее народа и родных земель, причиной чему явилось предчувствие близкой катастрофы, гибели и исчезновения народного сознания [8, с. 320]. Под этим подразумевались серьезные перемены в душе шорской народности, из которых практически неминуемо вытекали: потеря родного языка, этнической культуры, истории, а также древнего, складывавшегося тысячелетиями миропонимания и мироощущения [8, с. 321].

Ключевой особенностью шорских произведений считается поиск «золотого века» — показатель народного самосознания. Поиски собственного народного сознания и мирочувствования ведут к природе: каждый старается отыскать в ней опору. Шорцы всегда смотрели на природу как на собственную отчизну — они состояли в единстве с ней, однако никогда не путали себя с ней [8, с. 320]. Часть авторов старалась отыскать «золотой век» в истории, что воплотилось в обращении к древнетюркской эпохе. Повышенный интерес уделяется обычаям края, которые планомерно ослаблялись параллельно со становлением письменной культуры.

Немаловажным признаком степени развитости культуры и народного самосознания считается позиция этноса в отношении своей истории. Заинтересованность в собственных корнях у различных людей и этносов выражается по-всякому: кто-то пытается реанимировать древние традиции и обряды, привнести фольклор в профессиональную культуру, а также сформировать либо вернуть собственное национальное государство [22, с. 87].

С наступлением 1990-х гг. у шорцев, а также прочих народностей Саяно-Алтая [18, с. 68—69], прослеживается сильная заинтересованность в народной культуре и истории. Интерес к культуре выражается в художественной самодеятельности, в обязательном изображении шамана (кама) и сопряженных с такой инсценировкой ритуальных обрядов в ходе съездов и важных событий.

Подъем народного самосознания в Южной Сибири основывается на мифологии, при этом нередко настоящие исторические факты отдаленных эпох превращаются в фундамент для появления новой «мифологемы» [9, с. 417] (к примеру, концепция Великой Шории). В работах исследователей подчеркивается близость народной культуры к мифологии. Как и миф, народная культура сопряжена с ре-

лигией, однако не отождествляется с ней; как и миф, она представляется средоточием определенных знаний, ценностей и культурных ориентиров, однако всё это пребывает в согласии и сопровождается эмоционально-волевым компонентом (исторические факты нередко побуждают к действиям).

Народная культура, так же как и миф, отличается динамичностью, а в реальности, как говорил Бахтин, играет роль поля диалогических взаимоотношений, метаморфоз из «чужого» в «свое» и обратно. К положительным переменам можно отнести то, что сегодня сами шорцы желают изучать свою культуру и делают определенные шаги, направленные на ее восстановление, при этом активнее всего в этом деле горные шорцы, в особенности представители интеллигенции. Активность горных шорцев, ориентированная на восстановление народной культуры, доказывает правильность утверждения о народном самосознании как побочном эффекте городской культуры.

В ходе развития народной идентичности, в зависимости от наличия и комбинации различных факторов и обстоятельств, могут создаваться 7 её ключевых видов [1].

На основании проанализированных материалов мы сделали ряд выводов. После упразднения Горно-Шорского национального района не существовало подходящих условий, благоприятствующих развитию шорского этноса, его культуры и самосознания, что спровоцировало рост неблагоприятных тенденций. Увеличилась ассимиляция, в особенности языковая и культурная. Интенсификации распада народной культуры сопутствовала культурная деградация. Упразднение колхозов и провал попыток формирования системы коопромхозов спровоцировали распад социальной структуры шорских сел, а также нарастание социального неблагополучия. Миграция жителей в города из небольших мононациональных поселков вызвала смену структуры расселения шорцев, а также изменила половозрастную структуру шорского населения. Отрицательное воздействие на развитие этноса имела и лагерная субкультура. Усиливалась тенденция замены народной идентичности по причине невысокого статуса шорской народности.

При этом множеству факторов невозможно дать однозначную оценку: конечно, они подготавливали атмосферу, вынуждающую ассимилироваться, но в то же время, наоборот, провоцировали усиление

народного самосознания. В перечень таких факторов можно включить и паспортную систему, и школы-интернаты, и даже возврат к традиционным способам обеспечения из-за экономического кризиса и пр.

Невзирая на стремительную потерю этнической специфики, она сберегалась, выражаясь в ритуалах камлания, погребальных обычаях, в престижности промысловой охоты, в отношении к многодетности и пр.

Усиление неблагоприятных тенденций, из-за которых само существование шорского народа было под вопросом, и весьма плохой уровень жизни местного населения вместе с возрастающей унификацией, спровоцировали рост народного самосознания шорцев. Впервые данный процесс стал заметным в 1970-х гг., а уже в 1980—1990-х гг. появилось движение за восстановление национального языка и культуры. Возглавила данный процесс шорская интеллигенция.

В национальном движении в настоящий момент нет единства, поскольку разные территориальные группы борются друг с другом за лидерство, что является подтверждением незаконченности процесса консолидации шорского этноса. Прослеживается разочарованность шорцев в национальном движении, что обусловлено невозможностью приостановки усиления неблагоприятных тенденций. Шорцы считают собственное положение критическим. Положительные сдвиги можно проследить в желании шорцев самостоятельно изучать и совершенствовать собственную культуру, а также в усилении интереса к шорской истории. Активнее всего ведут себя городские шорцы, что дает возможность считать этническое самосознание ответом на городскую культуру. Обозначилась и смена отношения шорцев к образованию. Отрицательным последствием стал рост националистических настроений, желание отыскать виноватых, переложить вину на правительство.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1998. 272 с.
2. Зыкин А. В. Анализ этнокультурной идентичности и этноидентификации коренных народов Южной Сибири // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 7 (49). С. 114—119.

3. Зыкин А. В. К вопросу о выравнивании парадигмы в модус-диктумных полипредикативных конструкциях с коннектором-аккузативом в шорском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 1. С. 118—124.

4. Зыкин А. В. К вопросу о национальной идее шорского этноса // Успехи современной науки и образования. 2017. № 4. Т. 6. С. 187—190.

5. Зыкин А. В. О некоторых особенностях в понимании мироустройства шорцев: социально-философский анализ // Успехи современной науки. 2017. № 1. Т. 2. С. 7—12.

6. Зыкин А. В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 40. С. 7—10.

7. Косточаков Г. Кроме Шории у нас земли нет // Кузнецкий рабочий. 2002. 14 декабря.

8. Косточаков Г. В. Современная шорская литература: есть она или ее нет? // Проблемы национально-регионального компонента в условиях модернизации образования: материалы второй регион. науч.-практ. конф. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2002. С. 316—322.

9. Кризисные этносы Саяно-Алтайского региона. Итоги полевых исследований 2001—2002 г. / И. В. Октябрьская, А. Н. Садовой, А. В. Вольский и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1998. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 563—568.

10. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 104—122.

11. Никишенков А. А. Современное этническое сознание и мифологизм // Этническое и языковое самосознание: материалы конф. 13—15 декабря 1995. М., 1995. С. 111—112.

12. Патрушева Г. М. Культурные традиции шорцев: исторические факторы и современность // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунаrod. симпозиума. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН. 1999. Т. 2. С. 377—378.

13. Патрушева Г. М. Численность и расселение шорцев Кемеровской области в 1930—1980 гг. // Аборигены Сибири: проблемы изучения исче-

зающих языков и культур: тез. междунар. науч. конф. 23—30 июня 1995. Новосибирск, 1995. Т. II: Археология, этнография. С. 202—205.

14. Патрушева Г. М. Шорцы сегодня: современные этнические процессы. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 224 с.

15. Пелих Г. И. Селькупы: в сибирской тайге умирает народ // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 122—129.

16. Потапов Л. П. Шорцы на пути социалистического развития // Советская этнография. 1950. № 3. С. 123—136.

17. Рындина О. М. «Остяки» Васюганья и проблема этнической самоидентификации // Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы: материалы межрегион. науч. конф. Томск, 2002. С. 121—128.

18. Сагалаев А. М. Алтайцы: старая религия и «новая» идеология // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 61—72.

19. Садовой А. Н. Коопромхозы как форма национальной политики (на примере Горной Шории) // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 47—94.

20. Садовой А. Н. Народы Южной Сибири в XIX—XX вв.: этносоциальные аспекты патернализма: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб: СПбГУ, 2000. 42 с.

21. Социально-экономическое и культурное развитие шорской народности // ГАКО. Ф. П-75. Оп. 63. Д. 114. Л. 16. (Государственный архив Кемеровской области, фонд Таштагольского исполкома, информация о состоянии).

22. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование // Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI. М.: Центр социологического образования РАО, 1998. С. 47—94.

23. Сысолятин Г. Ф. Волосная струна. Произведения устной поэзии горных шорцев. М.: Современник. 1975. 136 с.

24. Торбоков С. Далекое и близкое // Красная Шория. 1974. 20 июня.

25. Торбоков С. Две жизни улуса // Сельская правда. 1972. 30 декабря.

26. Торбоков С. Шор-кижи // Огни Кузбасса. 1970. № 2. С. 63—65.

27. Тотыш С. Сказки Шапкая. Кемерово, 1985. 77 с.

28. Чульжанова Л. Об образовании шорцев // Туган Чер. 2001. № 11.

References

1. Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. *Etnotsiologiya* [Ethnology]. Moscow, Aspect Press, 1998, 272 p. (In Russ.)
2. Zykin A. V. [Analysis of ethno-cultural identity and ethno-identification of indigenous peoples of southern Siberia]. *International Research Journal*, 2016, no. 7 (49), pp. 114—119. (In Russ.)
3. Zykin A. V. [To the question about the alignment paradigm in modus-dictamni complex sentences structures with connector-accusative in the Shor language]. *Vestnik of Leningrad state University of A. S. Pushkin*, 2013, vol. 1, pp. 118—124. (In Russ.)
4. Zykin A. V. [To the question of the national idea of the Shor ethnic group]. *Successes of Modern Science and Education*, 2017, no. 4, vol. 6, pp. 187—190. (In Russ.)
5. Zykin V. A. [On some peculiarities in the understanding of the Shors world order: social-philosophical analysis]. *Successes of Modern Science*, 2017, no. 1, vol. 2, pp. 7—12. (In Russ.)
6. Zykin A. V. [Socio-philosophical analysis of the traditional culture of small peoples of Siberia in comparison with the Russian]. *News of the St. Petersburg State Agrarian University*, 2015, no. 40, pp. 7—10. (In Russ.)
7. Kostochakov G. *Krome Shorii u nas zemli net* [Except Shoria we have no land]. *Kuznetskiy rabochiy* — Kuznetsky worker, 2002, December 14th.
8. Kostochakov G. V. *Sovremennaya shorskaya literatura: yest' ona ili yeye net?* [Modern Shor literature: is it or not?]. *Problems of the National-regional Component in the Conditions of Modernization of Education*. Novokuznetsk, Kuzgpa publishing House, 2002, pp. 316—322. (In Russ.)
9. *Krizisnyye etnosy Sayano-Altayskogo regiona. Itogi polevykh issledovaniy 2001—2002* [The crisis of the ethnic groups of the Altai-Sayan region. Results of field studies 2001—2002], Oktyabrskaya I. V., Sadova A. N., Volsky A. V., et al. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, Ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS, 1998, pp. 563—568. (In Russ.)
10. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Khanty: chuzhiye na svoey zemle?* [Khanty: strangers in their own land?] *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography, RAS, 1997, pp. 104—122. (In Russ.)
11. Nikishenkov A. A. *Sovremennoye etnicheskoye soznaniye i mifologizm* [Modern ethnic consciousness and mythologism]. *Etnicheskoye i yazykovoye samosoznaniye* [Ethnic and linguistic self-consciousness]. Moscow, 1995, pp. 111—112. (In Russ.)

12. Patrusheva G. M. *Cul'turnyye traditsii shortsev: istoricheskiye faktory i sovremennost'* [Cultural traditions of the shorians: historical factors and modernity]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS, 1999, vol. 2, pp. 377—378. (In Russ.)

13. Patrusheva G. M. *Chislennost' i rasseleniye shortsev Kemerovskoy oblasti v 1930—1980 gg.* [The Number of resettlement Shor in the Kemerovo region in 1930—1980]. *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [The Aborigines of Siberia: problems of study of endangered languages and cultures]. Novosibirsk, 1995, vol. II: Archeology, Ethnography, pp. 202—205.

14. Patrusheva G. M. *Shortsy segodnya: sovremennyye etnicheskiye protsessy* [Shortsy today: modern ethnic processes]. Novosibirsk: Nauka, Siberian publishing firm of RAS, 1996, 224 p. (In Russ.)

15. Pelikh G. I. *Sel'kupy: v sibirskoy tayge umirayet narod* [Selkups: in the Siberian taiga people die]. *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk: publishing House of the Institute of archeology and Ethnography, RAS, 1997, pp. 122—129. (In Russ.)

16. Potapov L. P. *Shortsy na puti sotsialisticheskogo razvitiya* [Shortsy on the way of socialist development]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1950, no. 3, pp. 123—136. (In Russ.)

17. Ryndina O. M. «*Ostyaki*» *Vasyugan'ya i problema etnicheskoy samoidentifikatsii* [«Ostyaks» of the Vasyugan land and the problem of ethnic identity]. *Razvitiye mezhnatsional'nykh otnosheniy i natsional'no-kul'turnogo dvizheniya v Sibiri: opyt, perspektivy* [The Development of international relations and national-cultural movement in Siberia: experience and prospects]. Tomsk, 2002, pp. 121—128. (In Russ.)

18. Sagalaev A. M. *Altaytsy: staraya religiya i «novaya» ideologiya* [Altaians: old religion and «new» ideology]. *Narody Sibiri: prava i vozmozhnosti* [Peoples of Siberia: rights and opportunities]. Novosibirsk, Institute of archaeology and Ethnography, SB RAS, 1997, pp. 61—72. (In Russ.)

19. Sadovoy A. N. *Kooppromkhozy kak forma natsional'noy politiki (na primere Gornoy Shorii)* [Co-industry as a form of national policy (on the example of Mountain Shoria)]. *Traditsionnyye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional life support systems and regional national policy]. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of archeology and Ethnography SB RAS, 2000, vol. 1, pp. 47—94. (In Russ.)

20. Sadovoy A. N. *Narody Yuzhnoy Sibiri v XIX—XX vv.: etnosotsial'nyye aspekty paternalizma. Avtoref. dokt. dis.* [The peoples of southern Siberia in the XIX—

XX centuries: ethnic and social aspects of paternalism. Dr. hist. sci. diss. abstr.]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Press, 2000, 42 p. (In Russ.)

21. State archive of the Kemerovo region, Fund of the Tashtagol Executive Committee, information on the state of socio-economic and cultural development of the Shor nation // GAKO. F. P-75.Op.63.D. 114.16. (In Russ.)

22. Stefanenko T. G. *Etnicheskaya identichnost' i nekotoryye problemy yeye izucheniya* [Ethnic identity and some problems of its study]. *Etnos. Identichnost'. Obrazovaniye. Trudy po sotsiologii obrazovaniya* [Ethnos. Identity. Education. Proceedings on the sociology of education], vol. IV, issue VI, Moscow: center of sociological education RAO, 1998, pp. 47—94. (In Russ.)

23. Sysolyatin G. F. *Volosyanaya struna. Proizvedeniya ustnoy poezii gornykh shortsev* [Hair string. Works of oral poetry of mountain shorians]. Moscow, Sovremennik Publ., 1975, 136 p. (In Russ.)

24. Torbokov S. *Dalekoye i blizkoye* [Distant and close]. *Krasnaya Shoriya* — Red Shoria, 1974, June 20. (In Russ.)

25. Torbakov S. *Dve zhizni ulusa* [Two lives]. *Sel'skaya pravda* — Rural Truth, 1972, December 30th. (In Russ.)

26. Torbokov S. *Shor-kizhi* [Shor-Kizhi]. *Ogni Kuzbassa* — Kuzbass Lights, 1970, no. 2, pp. 63—65. (In Russ.)

27. Totis S. *Skazki Shapkaya* [Tales Shapka]. Kemerovo, 1985, 77 p. (In Russ.)

28. Chulganova L. *Ob obrazovanii shortsev* [On education Shors]. *Tugan Cher* [Tugan Cher], 2001, no. 11. (In Russ.)